

Секретные короткие волны, встреча с автоматчиками в Батуми и отзвуки Павловской сессии в Грузии

<http://oralhistory.ru/talks/orh-2124>

🎙 2 мая 2016

Собеседник

Бадридзе Ясон Константинович

Ведущие

Гершович Анна Семеновна, Сивухин Алексей Александрович

Дата записи

Беседа записана 2 мая 2016 и опубликована 21 апреля 2017.

Введение

Что будет, если погрузиться в подводной лодке собственной конструкции в воды Черного моря на границе СССР с Турцией? Как послушать западные короткие волны на радиоприемнике, где таких волн нет?

Об опыте молчаливого сопротивления советскому единомыслию в отдельно взятой республике и в отдельно взятой семье – вторая беседа с Ясоном Константиновичем Бадридзе.

Подводная лодка на границе с Турцией

Анна Семеновна Гершович: Вы говорили о том, что вы в поход пошли с отцом, и там услышали оленя, волка. А как вообще вы в детстве проводили время? Часто ли ходили в такие походы? Что это была за компания — или с отцом вдвоем?

Ясон Константинович Бадридзе (смеется): В детстве отец меня водил. Очень часто мы ездили в Боржомское ущелье, с детства и много лет... Даже я своих детей туда возил дальше уже. Я говорил о его друге, но кроме этого друга еще друзья были. Очень часто мы ходили в гости к друзьям моего отца. Это потрясающее, конечно, впечатление все производило, потому что... ну, так скажем, «заразное» это все было, потому что видеть такую дружбу и остаться к этому равнодушным невозможно. Потом вот свою жизнь я тоже... У меня есть друзья с детского сада. Да, мы там подружились, потом в школе учились, потом разошлись ... по разным дорогам, так сказать, но до сих пор мы вместе.

А.Г.: А друзья родителей, кто они были? Кроме того, о ком вы рассказывали — близкого друга отца, — кто были остальные, к кому вы ходили?

Я.Б.: Остальные... Ну, разных профессий были.

А.Г.: То есть это не была артистическая среда?

Я.Б.: Нет, конечно. В артистической среде я был, пока я был маленький, потому что мать меня водила, когда у нее спектакли были. Я там на коленях у Серго Закариадзе сидел, он мне какие-то сказки рассказывал, чтобы занять меня чем-то. Сесиль Такашвили, потрясающая актриса... Жора Шавгулидзе, ну, он мне такие сказки рассказывал, которые *(смеется)* нигде [не встречал]... Видно, он сам придумывал их. Да, а дальше уже у меня никаких взаимоотношений с артистической средой не было, потому что я уже занят был своим собственным интересом.

Сесиль Такашвили. Фото: <https://www.geomigrant.com>

В детстве основное мое развлечение было лобзиком выпиливать, там всякие конструкции я строил. И с отцом вместе мы — больше «мы пахали», чем я в этом деле участвовал, но я тоже руками работал, — сделали подводную лодку, которая разбиралась, помещалась в абалаковский рюкзак, педальный привод у этой подводной лодки был, и можно было опуститься на 5 метров. А почему на 5 метров? Потому что тогда еще не было этих газовых баллонов-аквалангов, и мы — это уже я сам собственноручно сделал — из противогозлов, эти трубки противогозлов, я туда сажал стальные кольца, чтоб вода не сжала эти трубки. И две большие трубки были, одна трубка на вдох, вторая на выдох, и наверху над водой плавал поплавок с этими трубочками. В общем, длина этих трубок не позволяла нырять глубже, чем 5 метров.

А.Г.: И куда вы ходили, чтобы опускаться?

Я.Б.: Ну, сперва... около Тбилиси есть Лисье озеро, мы там это проверили, потом оказалось, что она блестящая просто, шикарная лодка была. Потом поехали в Батум. И, конечно, ни отец, ни я об этом вообще не думали, что там же как только наступал вечер, пограничники выгоняли людей с пляжа. Тем более какие-то там лодки — это не разрешалось вообще, потому что Турция рядом. Вот. Ну, в Черном море я один раз успел уйти под воду в этой (*смеется*) моей лодке. Когда вынырнул, эти автоматчики там (*смеется*). Отобрали, хорошо — не посадили, отобрали эту лодку.

А.Г.: Отняли лодку?

Я.Б.: Отняли лодку, да. Для меня это ужасная трагедия была. Ну, представьте, сколько мне тогда — 15 лет было. Ну, я так представлял, что я сам это все сделал, собственными руками. Такая мечта, да, нырять! Это трагедия была, когда отобрали. После этого у меня даже попытки не было, я все эти конструкции очень хорошо знаю, помню.

А отец изобретал... По нашей улице трамвай ходил, и на глазах у отца там ребенок под трамвай попал, погиб. И он задался целью сделать механизм, который, если ты попал под трамвай, выбросит тебя обратно. Он три года этим занимался, по каким-то заводам бегал, части этого механизма [*собирал*]... Подал заявку, целая комиссия пришла. Отец под трамвай прыгал, ну, я не знаю, раз 20, наверное, — потом весь в синяках был. И ему объявили, что раз он не инженер, значит, он не может авторские права получить, потому что это только приоритет инженеров. Так и не сделали. После этого довольно много людей гибло, между прочим. А это простейший механизм, просто простейший.

А.Г.: Ну, не дали ему права, но хоть бы сделали.

Я.Б.: Ну, сделали, один трамвай такой ходил. И то деньги нужно было тратить, чтобы получить разрешение на то, чтобы этот механизм поставить на трамвай. До этого там у трамвая впереди вроде сетки опускалось, эта сетка помогала, если прямо на нее попасть. А вот между колесами когда попадали люди, там ноги-руки отрезало и... Ну, в общем, не получилось, инженерные изыскания так прошли.

Протезы черепа для кошек

А.Г.: Расскажите еще, пожалуйста, про университет. С кем вы там учились? И поподробнее про преподавателей, о вашем учителе, может быть.

Я.Б.: Ну, в университете первое мое очень сильное впечатление были лекции Ивана Соломоновича Бериташвили.

А.Г.: Сколько ему было лет в тот момент?

Я.Б.: Ему, ну, за 70, он тогда, наверное, может, [*был*] старше, чем я сейчас. Это просто невероятно интересные лекции были, правда, немножко слушать было сложно, но потрясающие лекции были, потому, наверное, у меня, возникнув тогда, этот интерес к механизмам поведения, после этого...

[Оператор]: Почему было сложно слушать?

Я.Б.: Ну, вы знаете... Меня тоже сложно слушать. Когда я сам себя слушал, вот вы мне прислали это выступление, мне жутко сделалось просто (*смеется*). Для этого, наверное, другой талант нужен — для того, чтобы быть хорошим лектором. Ну, ему это было простительно, потому что он правда великим ученым был, великая личность была и... Правда его все по-всякому, там, после Павловской сессии он даже под домашним арестом был, хорошо, что его вообще не посадили...

А.Г.: В каком году это было?

Я.Б.: Павловская сессия когда была? Конец 40-х годов, если я правильно помню. Потому что когда

он придумал эту идею о психонервной деятельности, почему-то сочли, что это противоречит Павловской установке условно-рефлекторной деятельности. Ну, выжил, его сняли тогда с должности директора института, чуть не лишили звания академика, в общем, целый тарарам. Ну, слава богу, это прошло. Да, вот он огромное впечатление на меня произвел.

Был такой Бакурадзе Александр Николаевич, ученик уже Бериташвили, тоже великолепный физиолог. Он нам преподавал хирургию, он и его ассистент. Ну, вы знаете, правда, все эти операции на собаках происходили, но... Такие он операции делал! И притом объяснял нам на абсолютно доступном для студента языке, как это и почему это так, а не иначе. Вот после его лекций мне очень захотелось стать хирургом, но не получилось, к сожалению.

Александр Бакурадзе. Фото: <http://www.biomedicine.org.ge>

Нет, но были и такие педагоги... у нас был один, преподавал генетику. Это только-только разрешили генетику преподавать. Ну, и дело иногда до маразма доходило, потому что они еще сами представить не могли, что такое генетика, и начали уже выводить кукурузы, с шестью или восемью початками. Оказалось, что если сеять семена этой кукурузы, они шесть початков не дают.

Вот это основные педагоги, которые на меня очень сильное впечатление произвели. Конечно, были и другие хорошие, но до сих пор, когда о них речь заходит, это Иван Соломонович Бериташвили и Бакурадзе.

Дальше уже, первым, я уже говорил, это был Тенгиз Несторович Ониани, академик Академии наук Грузии в дальнейшем ставший. А после Николай Павлович Наумов огромное на меня впечатление произвел и Леонид Викторович Крушинский. Они фактически... Я же никогда в жизни ничего общего с зоологией как наукой не имел, потому что у нас в то время кафедра зоологии была как штрафбат, двоечников, которых, не отчислили, всех зачисляли [туда]. Потому никто не хотел туда, на эту кафедру попасть. Ничему там [не учили]... какие-то до Рождества Христова там [были] представления (*смеется*).

Притом у нас был ректор, у которого были «белые», «черные», «красные», «желтые» списки. Вот девочка пришла в кольцах — попадает в «желтый» или в «красный» список, это очень плохо. Посмотрел направо — отдельный список, посмотрел студент налево — другой список.

Ну, в общем, вот так это было, к сожалению.

А.Г.: Это идеологические были списки?

Я.Б.: Это все по тому, как плохо студент поступил или ведет себя. Ну, конечно, никто не хотел туда попасть, на кафедру зоологии, потому это стало штрафбатов. Судя по всему, я туда по этой же причине не пытался. В дальнейшем кафедра великолепной стала, но это уже было в дальнейшем.

Вот я из-за этого попал на кафедру физиологии. Там первая моя работа — это дипломная работа была «Влияние неокортекса на мотивационные эмоциональные реакции». Ужасные там операции мы делали: снимали, удаляли новую кору, а для того, чтобы удалить новую кору, надо вскрыть череп, притом до ушных раковин. А что с этим мозгом делать, с открытым? Нам нужны кошки... И это все в свободном поведении изучать. И я придумал протезы черепа, эти протезы ставил, на них закреплялись электроды, вживленные в мозг. Вот это моя первая научная работа была, даже статья опубликована еще в студенческие годы.

Да, ну и дальше уже все то, о чем я вам уже говорил.

Армстронг и Телефункен

А.Г.: А была у вас какая-то студенческая компания?

Я.Б.: Компания классная у нас была. Очень часто мы собирались, вечеринки устраивали то у одного, то у другого, танцы (*смеется*) устраивали — я с детства обожал танцевать. Так случилось, что, несмотря на то, что невероятно музыкальная семья была, ну вот из семьи — мой дядя певец, моя тетя в консерватории преподавала на рояле, у моего отца был потрясающий драматический тенор, он играл блестяще на трубе, вплоть до пилы — на пиле играл.

У нас дома был Телефункен, откуда-то он раздобыл трофейный приемник, огро-о-омный, вот такой высоты с круглым циферблатом: такой круглый, на бумаге там цифры были написаны. И где-то он мастера нашел — а тогда же все приемники на учете в КГБ были, и КГБ периодически проверяло, не изменили ли длину волны, потому что разрешалось с 25-и метров, а самое интересное было выше — 13 и так далее. И так сделали, что никто понять не мог, что этот приемник переделали, никак найти не смогли. Когда они приходили — 25 метров есть, а там была одна такая кнопочка (*смеется*), на которую надо было нажимать.

И вот в детстве отец обожал Армстронга, и Армстронга сам он играл на трубе. И это, видно, запечатление такое произошло: для меня выше Армстронга просто нет ничего в джазе. Да, это было... до сих пор без джаза жить не могу.

А.Г.: А какие-то студенческие истории интересные были?

Я.Б. (смеется): Я в жизни этого забыть не могу! Был период, и в России тоже, когда в моду вошло пить спирт. Когда я приезжал, тут мы тоже спирт глушили, ужас просто! И такая же мода появилась в Тбилиси. У нас большой сабантуй, пол курса вместе сидим. И одна девочка к этому моменту вышла замуж, и первый раз привела своего супруга. А на новую компанию надо как-то произвести впечатление. «Я, — говорит, —

хочу за вас выпить!» — естественно, спиртом, но зажженным спиртом. Ну, взял кружку, металлическую кружку, налил спирт, поджег и полчаса тост говорит. А эта кружка накалилась. Он как приложил к губам, губа прилипла, и, бедный, еле его погасили, в общем, потом (*смеется*) он пролил этот горящий спирт и чуть вечеринку не испортил этим.

Я, честно говоря, очень долго не пил вообще ничего из алкогольного, а когда приходилось — на дне рождения, туда [приходила] разная разношерстная публика, кто-то выпендривается, что он может много выпить, кто-то... И очень часто возникали конфликты из-за того, что я не пью, а они пьют: я что, слабый? Ну, хорошо — слабый, один раз, два раза, иногда надоедало все это. Это перерастало в очень неприятные вещи. Вот до сих пор у меня... я не могу видеть пьяного вдребезги человека. Очень не люблю. А выпить очень люблю, честно говоря, но пить надо столько, чтобы соображать на этом свете, когда остановиться и когда продолжить.

Между прочим, одна из главных функций тамады в грузинском застолье в давние времена была — регулирование уровня «пьяности» среди вот этого огромного застолья: 50 человек может быть, ну там, 30 или больше. Но кроме того, что тамада должен был быть остроумным, чтобы поддерживать уровень веселости за столом, он должен был следить за каждым из присутствующих и штрафовать. А что это значит? Кто-то пьет много и не пьянеет, остальные уже подшофе — все должны были быть в одной кондиции. Вот тот, который не пьянеет — его начинают раздражать люди, которые подшофе, значит, он сам должен быть подшофе. Значит, надо оштрафовать его, заставить выпить больше. А кто быстро пьянеет — там надо, чтоб не обидеть человека, найти такую причину, чтобы он пропустил, допустим, этот тост и не выпил. Вот это было... это сейчас все забыли, к сожалению. И выпускать из семьи пьяного человека — это был позор для семьи, значит, они не умеют угощать гостей. И гость не должен был напиваться вдребезги. Ну, всякое случалось при застолье. Неприятности из-за того, что я не пью, тоже бывали, к сожалению. Ну, все, прошел период, потом я возлюбил (*смеется*) это дело.

Формы личных отношений отличаются в Грузии

А.Г.: Где вы жили в Тбилиси?

Я.Б.: В Тбилиси была такая улица Дзнеладзе за Оперой в пяти минутах от оперного театра и театра Руставели, в здании которого был театральный институт. И, кстати, когда сгорел театр имени Руставели — папа Би-би-си слушал ночью, втихаря, и по Би-би-си передали, что горит жемчужина, театр имени Руставели. И бедный, ночью... Потом вернулся с ожогами, помогал гасить этот театр.

А.Г.: Папа не боялся? Этот вот приемник, он слушал эти волны...

Я.Б.: Вы знаете, волков бояться — в лес не ходить, а что делать? Надо как-то быть адекватным и знать, что происходит. Тогда же, слушая наше радио — даже телевидения еще не было — ну, что, мы живем лучше всех на свете? Люди же этому не верили, что лучше всех на свете живут, надо было знать, где и как живут. И вообще человек — любопытное существо, все хочется еще больше узнать. Ну, он меня тоже к этому приучил, что волков бояться — в лес не ходить (*смеется*).

Алексей Сивухин: А отец воевал?

Я.Б.: Нет, у него бронь была, он готовил спецназ, обучал их приемам рукопашного боя и так далее. В общем, его из-за этого не отпустили. А если бы отпустили, я не знаю, захотел бы идти или нет. Извините, уберите это (*смеется*).

А.Г.: Почему?

Я.Б.: Ну, вы знаете... когда в 21-м году российские войска вошли через Коджори... там же до этого был договор между Грузией и Россией один к одному как договор с Гитлером, договор Молотова-Риббентропа. И вдруг войска вводят. И мой дядя был ранен, а отец прямо вот с этими войсками... сражался. Ну, все равно ничего не получилось, потому что это как наводнение, огромное количество

войск и... Да, ну, не будем политические темы обсуждать.

А.Г.: Но их не посадили, отца и дядю?

Я.Б.: Нет, они спаслись, но фактически потом какое-то время скрывались. Отец был связным Какуцы Чолокашвили, которого потом во Франции достали и там убили... вот. Если сейчас это обсуждать во всеуслышание, мне потом визу не дадут *(смеется)*.

Какуца Чолокашвили. Фото: <http://radikal.ru>

А.Г.: Это старые времена. Скажите, пожалуйста, я знаю, что какие-то русские деятели, например, художники, которых из России попросили, могли уехать в Грузию и там все-таки более-менее нормально жить.

Я.Б.: Да.

А.Г.: Действительно ли была Грузия не под таким идеологическим давлением, и там было посвободнее или это не так? Вот, допустим, в 50-е годы?

Я.Б.: Вы знаете, когда формируются личные отношения между людьми, формы этих личных отношений очень отличаются в Грузии, потому что близкий человек, друг, товарищ — никому в голову не придет его «утопить», донести на него. И тогда реально могли приехавшие в Грузию заниматься своим делом, так что на них никто не доносил, они просто были в тени. Наверное, это помогало им. И вообще в Грузии же никогда, в принципе никогда за всю свою историю не было межэтнических конфликтов. Вот даже когда

мусульманские, там, персы, турки, Тамерлан — это ужас периоды были! В Тбилиси огромное количество мусульман жило. И вот сейчас, в старом городе это же потрясающая вещь: кафедральная церковь, тут мечеть, там армянская церковь и напротив кафедральной церкви синагога. Никому в голову никогда не приходило... Вот воюют там с персами, турками — и тут мусульман третировать в городе — такого история не помнит. То, что сейчас на нас сваливают, какие-то межэтнические проблемы — это абсолютный блеф, абсолютный блеф! Это для людей, которые не представляют историю Грузии вообще. И менталитет.

А.Г.: Тбилиси же всегда очень многонациональный город был.

Я.Б.: Конечно, конечно. Мы называем татарами их — если перевести с грузинского — мусульмане, армяне, евреи, курды, езиды. Огромное количество их всегда в Грузии жило, и они жили потому, что никто их никогда не обижал, никогда в течение всей истории. А с евреями же — более двух тысяч лет евреи живут в Грузии, а первая христианка — Сидония Гедеванишвили, она до принятия христианства еврейка была. Сидония Гедеванишвили... это Светицховели. Вот эта потрясающая церковь. Она же построена на месте... Почему Светицховели? Это Живой столб. Когда часть Плащаницы привезли в Грузию, Сидония Гедеванишвили обняла эту Плащаницу и с ней в обнимку и скончалась. А официально христианство принято в 320-м году, армяне чуть раньше. Ну, никому в голову не приходило какие-то погромы устраивать или вообще персонально человека третировать из-за того, что у него другая вера. В этом плане самая спокойная страна была. И есть, слава богу.

А.Г.: А вы дедушек и бабушек застали?

Я.Б.: Нет... Бабушек — да, обеих бабушек я хорошо помню. В 5-м классе я был, когда скончалась вот эта бабушка, портрет которой вы видели, а вот мать отца — она чуть раньше.

А.Г.: А вы единственный ребенок в семье?

Я.Б.: Да. Я обожал моего кузена — Гия Бадридзе был такой. Он сценарист, иногда и снимался он. Ну, у меня, видно, потребность была кого-то иметь, брата или сестру. Ну вот, а Гия Бадридзе, сын Давида Бадридзе, он в Тбилиси жил. Он ВГИК в Москве окончил, потом уже в Тбилиси жил. Вот он для меня был, я не знаю, самым любимым родственником.

Гия Бадридзе. Фото: <http://www.kino-teatr.ru>

А.Г.: Он старше был, да?

Я.Б.: Он старше, да, был. Ну, в общем, вот так как-то жизнь сложилась.

А.Г.: Вы довольны тем, как она сложилась?

Я.Б.: Ну, какие-то вещи, наверное, я бы поменял, но в общем, доволен, конечно. Всегда человек хочет, чтобы было еще лучше, чем есть. Что-то, наверное, поменял бы. Но это надо подумать, что бы я поменял *(смеется)*.

Методы реинтродукции сегодня

А.С.: Сейчас довольно модной является теория эгоистичного гена. А в данном случае как она работает? Она, получается, вообще не может объяснять, то есть вы для них не являлись ни членом стаи...

Я.Б.: Да.

А.С.: ...все-таки другой вид, то есть здесь этот детерминизм — то, что гены диктуют поведение — это, мне кажется, невозможно объяснить этой теорией.

Я.Б.: Нет, я не могу себе представить, как это все происходит, но одно заранее было для меня ясно, что категорически нельзя входить в эту социальную систему, просто нельзя входить, потому что, войдя в социальную систему, я должен был принять какой-то ранг, а процесс этот довольно, наверное, болезненный и физически в том числе, потому что волки зубами работают. Оказалось, что я придумал правильно и очень доволен этим. И вообще, это состояние, когда ты оказываешься прав — такое приятное, просто здорово.

[Оператор]: А все же вам кажется важным, чтобы кто-то вашими методами продолжал пользоваться сейчас?

Я.Б.: Вы знаете, я был бы очень рад, если бы вот эти проекты по реинтродукции именно этими методами [велись]. Сейчас, понимаете, когда в зоопарках начинаются работы по разведению редких и исчезнувших в природе видов, этих животных уже нельзя выпускать. Реально, можно назвать это созданием резерватов для этой категории животных, которые всю свою жизнь будут жить в неволе. И дальше уже невозможно выпускать их, потому что они человека знают, у них нет этой реакции избегания, той, что у диких есть, это раз. Если говорить о копытных, то если выпустить копытных, их же моментально хищники съедят, потому что эти копытные не представляют, что такое хищник. А я уверен, что для интродукции необходимо у них тоже вырабатывать вот эти реакции избегания хищника, обязательно, чтоб дистанция бегства была бы большой. Вот когда я первую группу своих волков выпустил, у косуль в том районе была очень хорошая дистанция, нормальная дистанция бегства от собак, а волков они подпускали метров на 15. А с 15 метров косулю поймать — это уже не проблема. И успешность охоты волков была где-то выше 50 процентов. Это невероятная вещь вообще! Просто этих косуль спасало то, что группы были волков маленькие, 4–5. Самая большая группа — 8. Но через какое-то время у них уже сформировалась нормальная дистанция бегства: они убегали с 50-ти — 100 метров. И успешность охоты упала до 25 процентов — значит, одна удачная охота из четырех. А это нормальное вообще явление. Я говорю об этом потому, что подобные нюансы в принципе до сих пор не учитываются. Ну, восстановили в некоторых странах, в Америке, волка — это тоже большие проблемы, потому что когда начали восстанавливать мексиканского волка, они издали книгу для населения, как себя вести, если эти волки будут нападать на вас или вашу собственность. Издание таких вещей уже антагонизм вызывает, потому что, значит, определенно допускается подобное нападение. А этого можно избежать, вырабатывая у хищника реакцию избегания людей. А выработка этой реакции — довольно простая вещь. Но тут, понимаете, есть еще такой абсолютно ясный психологический момент, что люди, которые придумывают эти проекты и за это деньги получают, они фактически становятся главой проекта, они ведущие. И признать, что такой проект — не совсем нормальный — это никому не хочется.

А.С.: Но ведь не добиться успеха — это больший провал, чем признать...

Я.Б.: Вы знаете, плохой результат он всегда отсрочен на довольно большое время, и к тому моменту, когда

этот результат не достигнут, все забывают о том, что было. Я имею в виду грантодателей и местное население. Не знаю, посмотрим, как все будет. Во всяком случае, главный человек, который занимался и начал заниматься реинтродукцией — Джеральд Даррелл, он был в восторге от этого дела. Это меня абсолютно удовлетворяет. Я уже не говорю об академике Соколове и других наших ученых.

[Оператор]: А к вам обращался кто-нибудь, может быть, студенты, письма писали с просьбой совета: человек тоже хочет попробовать приучить к себе волчью стаю...

Я.Б.: Я всегда им отвечал, что я бы не посоветовал.

[Оператор]: Но бывает, что обращаются люди?

Я.Б.: Вы понимаете, это же...ну, так скажем, методика, она была привязана фактически к моей психологии и к моему поведению, исходя из моих, так сказать, взглядов на жизнь, формы поведения, отношения к вещам. Во-первых, я сам за себя отвечаю, и невероятно сложно брать ответственность за человека, которого я не знаю. Как он может там себя вести, этот человек? Он может просто элементарно спровоцировать нападение. Потому я всегда пытаюсь переубедить их... Вообще, это такая ответственность. И одно дело, если это все происходило в моем присутствии, тогда я мог помочь и советом, и делом, а так, заочно... Я не знаю, трудно на это решиться все-таки.

А.Г.: А как вы оцениваете — вы можете как-то определить, какие ваши свойства и черты характера и поведения подходили для этого?

Я.Б.: Ну, это опять возвращение темы к моему отцу. Он с детства меня учил адекватно реагировать на какие-то экстремальные явления. Сейчас меня спрашивают иногда, особенно кинологи — я как-то говорил, что я испугался, а зверь же чувствует запах страха — почему они на вас не нападали?

” Состояния разные бывают. Страх, когда в панику впадаешь, — выделяется адреналин, а если мозги чисто работают, и оцениваешь ситуацию, готов, допустим, напасть или в любом случае адекватно среагировать на действия зверя или человека, вырабатывается норадреналин — это принципиально разные запахи.

Судя по всему, у меня как раз этот норадреналин вырабатывался, потому что мне надо было быть готовому ко всякому развитию ситуации. Я же не знал, когда ко мне подошел первый раз волк на 5 метров и начал на меня рычать, я же не знал, как дальше он поступит. Мне надо было быть готовым ко всему. Если бы я ударился в панику и сбежал, ясно, что он на меня напал бы. Ну, видно, одна из причин того, что они не пытались на меня напасть, была в том, что, я, судя по всему, адекватно на это реагировал. Как мне представляется.

А.Г.: А с людьми были ситуации похожие?

Я.Б.: Уф... к сожалению, да. Вплоть до того, что несколько раз в меня стреляли из-за того, что... каким-то образом мы попали в зоопарк и закрыли все возможности воровства. Судя по всему, из-за этого. Ну, были там... один раз просто меня хотели раздеть — это уже гражданская война, у каждого оружие было. Как-то выкрутился, слава богу. Так что до сих пор есть остаток одежды продырявленный (*смеется*). Бывали, конечно. Ну, как сейчас можно прожить свою жизнь, чтоб какого-то инцидента не случилось. Иногда и драки бывали, естественно. Но в период моей молодости кому бы пришлось в голову какое-то холодное или огнестрельное оружие применить? Никогда в жизни! Это считалось позором. Человек неспособен, из-за этого он... А иногда мы даже, чтоб выяснить, кто сильнее, драки устраивали. И с моей стороны и со стороны моего противника... друзья вместе шли куда-нибудь, где свободно можно было, стояли, смотрели. Никому в голову не пришло бы напасть двоим на одного. Но, к сожалению, это время прошло. Почему-то чем дальше, тем хуже.

А.Г.: То есть вы хотите сказать, что в Грузии не сохранились традиции такой благородной борьбы?

Я.Б.: А это нигде не сохранилось. Если и 2, и 3, и 5 человек могут избить одного, то это с удовольствием происходит. Это нигде просто такого уже нет.

[Оператор]: Когда вы ушли к волкам, я думаю, это не вызывало особого восторга у егерей...

Я.Б.: Да.

[Оператор]: ...вы говорили, что под угрозой мордобоя...

Я.Б.: Да, да, абсолютно, потому что...

[Оператор]: А не было ли с их стороны [попытки] привлечения административного ресурса, пожаловаться вышестоящему начальству?

Я.Б.: Дальше уже, вот когда... В тот период — нет, а вот когда я работал в Лагодехском заповеднике, мы уезжали на 3–4–5 месяцев, а в этот период, особенно в гон оленя, туда на охоту приезжали из ЦК КП Грузии, из Совмина. А раз мы наверху там сидели, они не решались подняться и охотиться, чтоб потом это все не разглашалось бы нами. А для того, чтобы им избавиться от нас, они доносы писали на нас, что мы туда, оказывается, девиц возим, ужас. Единственный раз журналист — есть, надеюсь, я давно ее не видел — Стишковская такая — она приезжала писать статью в «Науке и жизни». Потом писали, что мы в основном спим, делом не занимаемся и так далее. Но это все было ради того, чтобы нам запретили бы туда ездить. Ну, потом увидели, что все рекомендации, которые мы даем, они абсолютно к месту вплоть до того, что... это тогда такой прогноз был: что может случиться при истреблении волка. Это случилось. Вот, после этого они как-то не так уже...

А.Г.: Спасибо огромное.

Я.Б.: Извините, я не очень интересный в этом плане собеседник.

А.Г.: Вы очень интересный, нельзя с вами согласиться в этом.